

Красножен Михаил Егорович

**Воспоминания гимназической
жизни**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Егорович К.**
Воспоминания гимназической жизни / Красножен Михаил Егорович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-519-90934-1

ISBN 978-5-519-90934-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

лицомъ, обратившійся ко мнѣ громкимъ, заставлявшимъ трепетать и храброго, голосомъ. Мужчина этотъ — гроза гимназіи, учитель математики Василій Александровичъ Кононовъ. Но подробнѣе о немъ скажу далѣе... Получаю у него задачу: раздѣлить одно какое-то большое число на другое. Пишу на доскѣ; мѣлъ прыгаетъ въ рукахъ. Но, слава Богу, слышу: „довольно“. Отецъ отправляется къ директору и узнаетъ, что всѣ экзамены я выдержалъ, и при томъ выдержалъ очень хорошо.

Не буду описывать первыхъ дней пребыванія въ гимназіи, столь хорошо врѣзавшихся въ моей памяти, какъ будто бы это было совершенно недавно. Дальнѣйшія воспоминанія и впечатлѣнія гимназической жизни уже не столь ясны; они сливаются въ одно большое цѣлое. Перенесу ихъ поэтому къ отдѣльнымъ преподавателямъ; ихъ теперь уже нѣтъ на службѣ въ гимназіи, и многихъ изъ нихъ приняла въ свои объятія общая наша мать — сыра земля.

А. И. Ростиславовъ.

Законъ Божій во время всего моего пребыванія въ Калужской гимназіи преподавалъ во всѣхъ классахъ протоіерей Воскресенской церкви Александръ Ивановичъ Ростиславовъ.

Кто изъ бывшихъ учениковъ покойнаго не помнитъ этой свѣтлой, благородной личности?

О. Александръ любилъ свой предметъ и умѣлъ преподавать его не только ученикамъ старшихъ классовъ, но и мальчикамъ. Законъ Божій мы знали превосходно. Я, напримѣръ; и теперь помню многіе длинные тексты изъ Катихизиса, а что можетъ быть скучнѣе и труднѣе изученія этихъ текстовъ! Надо при этомъ замѣтить, что о. Александръ вовсе не былъ строгъ по отношенію къ своимъ ученикамъ и очень рѣдко ставилъ дурные баллы; въ старшихъ же классахъ имѣть даже 4 по Закону Божию у о. Александра было совѣстно — именно совѣстно. За то о. Александръ никогда не ограничивался знаніемъ заданнаго урока, а постоянно спрашивалъ изъ всего пройденнаго. А какъ краснорѣчиво объяснялъ онъ „слѣдующій урокъ.“! Право, можно было заслушаться. До сихъ поръ помню, какое сильное впечатлѣніе производили на насъ рассказы о. Александра по исторіи Новаго Завѣта во 2-мъ классѣ. Рассказы о страданіяхъ и крестной смерти Спасителя о. Ростиславовъ пріурочивалъ къ Великому Посту. Какъ сердечны и трогательны были эти рассказы! Весь классъ, даже отчаянные шалуны боялись проронить хотя одно слово; мальчуганы внимательно слушали дорогія воспоминанія о послѣднихъ дняхъ жизни Іисуса Христа, сосредоточенно устремивъ глаза, часто наполненные слезами, на вдохновеннаго повѣствователя, у котораго къ концу раз-

сказа тоже начиналъ дрожать голосъ отъ душевнаго волненія.

Вотъ и послѣдній 8-ой классъ. На экзаменѣ по Закону Божію обыкновенно присутствовалъ архіерей. Экзаменъ по Закону Божію всегда былъ послѣднимъ. Прочіе экзамены уже сданы; по Закону Божію никто, конечно, не только не можетъ провалиться, но даже и четверки не получить; весело было сдавать этотъ экзаменъ. Въ тотъ же день обыкновенно происходило засѣданіе педагогическаго совѣта — и изъ учениковъ гимназіи мы становились полноправными гражданами, въ недалекомъ будущемъ студентами. Вотъ приглашаютъ насъ снова въ тотъ же самый большой торжественный залъ, въ который мы нѣсколько лѣтъ тому назадъ вступали со страхомъ и трепетомъ, чтобы держать пріемные экзамены. О. Ростиславовъ говоритъ рѣчь. Прежде всего онъ поздравляетъ насъ съ окончаніемъ курса, а затѣмъ, какъ отецъ дѣтямъ, даетъ нѣсколько совѣтовъ для жизни, въ которую мы теперь вступаемъ самостоятельно; онъ предостерегаетъ насъ отъ соблазновъ большого города, жителями котораго мы будемъ черезъ нѣсколько недѣль; ободряетъ тѣхъ, которые, не имѣя средствъ, задумываются надъ будущимъ: большая часть учениковъ нашего выпуска были люди небогатые, жившіе въ старшихъ классахъ уроками. „Что же дѣлать!“

— говоритъ онъ, „надо перетерпѣть: часомъ съ квасомъ, порою съ водою; терпѣніе и трудъ все перетрутъ.“ Эти завѣты и поученія о. Ростиславова часто вспоминались потомъ въ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни и не пропали для насъ даромъ. Смѣло можно сказать, что каждый бывшій ученикъ о. Александра и теперь съ глубокою благодарностью вспоминаетъ о своемъ дорогомъ законоучителѣ.

Математику, физику и космографію въ мое время преподавали три учителя: Александръ Ксенофоновичъ Раздеришинъ, бывшій и инспекторомъ гимназіи, Юліанъ Станиславовичъ Козляковскій и Василій Александровичъ Кононовъ.*)

А. К. Раздеришинъ.

А. К. Раздеришинъ преподавалъ у насъ только одинъ годъ — въ 3-мъ классѣ, такъ что воспоминаній о немъ осталось весьма мало. Помню, что у него тряслась правая рука, такъ что писалъ онъ ломаннымъ почеркомъ; даже черты цифръ получались неровныя. Человѣкъ онъ былъ добрый, и ученики его любили. Вскорѣ онъ умеръ — еще нестарымъ человѣкомъ.

*) Нѣсколько мѣсяцевъ преподавалъ въ 8 классѣ космографію также Дмитрій Павловичъ Мартыновъ — молодой, весьма добрый и симпатичный человѣкъ.

Ю. С. Козляковскій.

Гораздо больше воспоминаній оставилъ Ю. С. Козляковскій, преподававшій намъ математику и физику въ старшихъ классахъ. Это былъ талантливый математикъ, опытный педагогъ и добрѣйшей души человекъ. Къ сожалѣнію, послѣднее время нашего пребыванія въ гимназіи онъ сталъ сильно и часто прихварывать, вслѣдствіе чего принужденъ былъ пропускать много уроковъ. Большое удовольствіе намъ и неудовольствіе добрѣйшему Ю. С. Козляковскому доставляли посѣщенія физическаго кабинета. Для насъ посѣщеніе физическаго кабинета являлось своего рода праздникомъ: не надо было отвѣчать заданнаго урока, который относился къ слѣдующему дню; интересно было также посмотрѣть невиданные физическіе приборы — модель локомотива съ вагонами, стоявшими въ готовности двинуться въ путь по деревяннымъ рельсамъ, положеннымъ по полу. (Локомотивъ, впрочемъ, былъ попорченъ и все время стоялъ на рельсахъ неподвижно), электрическую машину, къ которой мы приближались всегда съ нѣкоторымъ страхомъ и пр. И вотъ, сговорившись цѣлымъ классомъ непремѣнно достигнуть желанной цѣли, еще задолго до звонка располагались мы на лѣстницѣ, ведущей въ 3-ій этажъ, въ физическій кабинетъ, чтобы быть ближе къ цѣли нашихъ желаній, и, когда по-

казывался изъ учительской комнаты Ю. С. Козляковскій, въ одинъ голосъ всѣ, просили его повести насъ въ физическій кабинетъ. „Въ физическій кабинетъ“, „въ физическій кабинетъ!“ — просятъ ученики. „Сегодня нельзя“ — отвѣчаетъ на эти просьбы Ю. С. и начинаетъ приводить рядъ доводовъ, въ родѣ-того, что кабинетъ не натопленъ, какъ слѣдуетъ, и тамъ холодно, что электрическая машина не въ исправности и будетъ готова къ слѣдующему разу и т. п. За то сколько было радости, если, побѣжденный нашими просьбами, Ю. С. бралъ въ руки ключъ и отворялъ физическій кабинетъ, по обширнымъ заламъ котораго мы быстро разсыпались, рассматривая не столько физическіе приборы и инструменты, коими кабинетъ этотъ въ то время былъ не особенно богатъ, сколько любуясь прекраснымъ и богатымъ собраніемъ коллекцій по естествовѣдѣнію, которое, подъ названіемъ „естественной исторіи“, до 1872 года преподавалась въ ниснихъ классахъ Гимназіи! Чаше же попытки наши проникнуть въ физическій кабинетъ терпѣли полное фіаско — и съ грустнымъ видомъ мы шли въ классъ на урокъ.

В. А. Кононовъ.

Больше всего воспоминаній у калужскихъ гимназистовъ оставилъ, конечно, производившій сильное впечатлѣніе даже съ перваго раза

учитель математики (впоследствии директоръ Калужскаго реального училища) В. А. Кононовъ, своимъ видомъ и громовымъ голосомъ наводившій страхъ даже на учениковъ старшихъ классовъ, мальчуганы же младшихъ классовъ передъ нимъ прямо таки трепетали. Сидя у него на урокъ, рѣдкій изъ учениковъ не творилъ про себя молитву, а нѣкоторые, растерявшись при вызовѣ къ доскѣ, творили крестное знаменіе открыто. „Крыловъ!“ вызываетъ громовымъ голосомъ ученика В. А. Кононовъ. Крыловъ крестится и медленно вылѣзаетъ изъ за парты. „Что крестишься?“ гремитъ В. А., „вѣдь знаешь, что отъ меня не отойдешь ни крестомъ, ни молитвою“. Робкимъ тихимъ голосомъ начиналъ ученикъ отвѣчать урокъ; но окрикъ В. А.: „громче! еще громче!“ заставлялъ его быть смѣлѣе. В. А. Кононовъ требовалъ, чтобы ученикъ отвѣчалъ урокъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ онъ его объяснялъ, никакого учебника онъ не признавалъ, и когда кто-нибудь отвѣчалъ иначе, онъ обыкновенно спрашивалъ: „откуда это?“ „Я училъ по книгѣ, по Малинину“ говоритъ окончательно растерянный ученикъ. „Какая тамъ книга: я вамъ книга, да и самъ Малининъ у меня учился“. Существовали особыя записки, въ которыхъ со стенографическою точностью воспроизводились слова В. А. Кононова. Обладатели этихъ записокъ служили

предметомъ зависти цѣлаго класса, а списавшій хотя часть этихъ записокъ считалъ себя счастливымъ.

За отвѣтомъ теоріи слѣдовала непремѣнно задача. Отъ ученика требовалась сообразительность, а также быстрота въ рѣшеніи, особенно въ вычисленіяхъ. Задаеть, напр., В. А. въ приготовительномъ классѣ задачу: „два барабана, три таракана — сколько музыки?“ И бѣда, если ученикъ, не сообразивши, попытается рѣшать такую задачу: онъ немедленно получалъ нуль или, какъ говорилъ В. А., блинъ. Особенно любилъ печь эти блины В. А. на масляницѣ до самага роспуска и на первой недѣлѣ Великаго Поста.

Въ отвѣтѣ урока и рѣшеніи задачи принималъ участіе весь классъ. Зазѣваться было невозможно: „Крыловъ продолжай,“ или „повтори“ — и если спрашиваемый не отвѣчалъ немедленно, сейчасъ же получалъ блинъ или палку, т. е. единицу. В. А. зналъ своихъ учениковъ до мельчайшихъ подробностей; зналъ, кто гдѣ живетъ, какъ проводитъ время, и, будучи въ веселомъ настроеніи духа, пользовался этими свѣдѣніями для составленія импровизованныхъ задачъ, темою которыхъ служило пусканіе змія, уженъе рыбы, смотря по склонности ученика къ тому или другому занятію. Особенно не любилъ В. А. учениковъ-плаксъ, а таковыхъ

на его урокахъ въ младшихъ классахъ было не мало. Если получившій блинъ или палку начиналъ плакать, то В. А. начиналъ строить въ балльникѣ цѣлый частоколъ изъ палокъ, ставя нѣсколько единицъ сразу впередъ, или, какъ онъ говорилъ, „въ задатокъ“. Особенно сильно доставалось отъ В. А. лѣнтямъ изъ казенно-коштныхъ пансіонеровъ: заднія парты, на которыхъ они обыкновенно устраивались, онъ называлъ Камчаткой, а къ обитателямъ этой Камчатки обращался въ очень нелестныхъ для нихъ выраженіяхъ, какъ напр.: „ахъ вы лѣнтяи, истребители казеннаго хлѣба и каши!“

Въ младшихъ классахъ неуспѣвающихъ учениковъ у В. А. было довольно таки много; за то, прошедшимъ суровую школу у В. А., ученикамъ старшихъ классовъ учиться было легко, да и самъ В. А. въ старшихъ классахъ совершенно перемѣнялся, такъ что старшіе гимназисты очень любили его самого, любили и прекрасно знали и преподаваемый имъ предметъ, а также соревновали другъ съ другомъ въ рѣшеніи самыхъ сложныхъ задачъ, при чемъ иногда въ этомъ соревнованіи, если задача была особенно трудная, надъ которой задумывались даже лучшіе ученики, принималъ участіе и самъ В. А., справедливо славившійся тѣмъ, что не было задачи, которую бы онъ сразу не рѣшилъ.

Въ общемъ В. А. Кононовъ былъ человѣкъ не злой. Суровость и даже нѣкоторая грубость въ обращеніи съ учениками младшихъ классовъ являлись скорѣе напускными, чѣмъ дѣйствительными; въ этомъ выражалась своего рода система тогдашняго воспитанія въ младшихъ классахъ. В. А. прослужилъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія чуть ли не болѣе 40 лѣтъ; учениковъ въ Калугѣ у него было много, и при томъ разныхъ поколѣній: въ нѣкоторыхъ калужскихъ семействахъ у него учились отцы и дѣти, даже дѣды и внуки. За гробомъ В. А. шелъ, можно сказать, весь городъ.

Преподавателями русскаго языка были Ѳеодоръ Васильевичъ Гаффнеръ, Владиміръ Алексѣевичъ Яковлевъ и Александръ Николаевичъ Троицкій.*)

Ѳ. В. Гаффнеръ.

Ѳ. В. Гаффнеръ, небольшого роста, во всемъ по нѣмецки аккуратный, преподавалъ русскій языкъ въ младшихъ классахъ. Ученики его любили, но въ тоже время и побаивались, такъ какъ Ѳ. В. лѣнтяевъ и шалуновъ не

*) По случаю перевода А. Н. Троицкаго инспекторомъ на Западъ, нѣсколько мѣсяцевъ въ 8 классѣ преподавалъ еще г. Ласкинъ, весьма любимый учениками за снисходительность. Въ Калужской гимназіи онъ прослужилъ недолго.